

15. Шныпко А. С. Экономические войны: истоки, формы, цели, проблемы, перспективы / А. С. Шныпко. – К. : Генеза, 2007. – 376 с.
16. Frank D. Buy American: The Untold Story of Economic Nationalism / Dana Frank. – Boston : Beacon Press, 2000. – 336 p.
17. The Return of Economic Nationalism // The Economist, February 5th of 2009 [Electronic Resource] // Access mode: <http://www.economist.com/node/13061443>

УДК: 114: 130.3

Облова Л.А.

Національний педагогічний університет імені М.П. Драгоманова

ОСМЫСЛЕНИЕ ГРАНИЦ НЕПРИКАЯННОСТИ (ИДЕЯ МЫТАРСТВА Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО)

(окончание)

Начало в 37 (50)

В статье реализовывается попытка прикоснуться к метафизике телесности, сообразно структуры дома, сквозь которую сказывается «устройство» человека. Речь идет о сущностном пространстве человеческого движения в живом круге естества. О предельной способности человека быть неестественно в естественном. Поэтому, на основании онтологически осмысленного феномена неприкаянности, автор предлагает осознать суть категорического сосуществования родителя и ребенка под единой крышей и на едином фундаменте, при необходимости не давать друг другу, а не кому-то одному, «спуска». Усилие делается на идеи мытарства Ф.М.Достоевского, что соответствует пониманию границ бесприютности.

Ключевые слова: метафизика телесности, неприкаянность, дом, родитель, сын, блуждание, дом Карамазовых.

Облова Л.А. Осмысления границ поневірянъ (ідея блукання Ф.М.Достоевського) В статті реалізується спроба розглянути метафізику тілесності відповідно до структури дому, яка показує «конституцію» людини. Мова йде про сутнісний простір людського руху в живому крузі ества. Про граничну здібність людини бути неприродним в природному. Тому, на підставі онтологічного осмислення феномену неприкаяності, автор пропонує усвідомити суть категоричного співіснування батьків і дітей під спільним дахом, при необхідності неупередженої вимогливості щодо один одного. Наголос робиться на ідеї поневіряння Ф.М.Достоевського, що відповідає розумінню границь безпритульності.

Ключові слова: метафізика тілесності, безпритульність, дім, батько, син, блукання, дім Карамазових.

Oblova L. Reflection of the boundaries of uncertainty (the idea of the ordeal of F. Dostoevsky) The article attempts to touch the metaphysics of corporeality, according to the structure of the house, through which the "device" of a person is affected. It is about the essential space of human movement in the living circle of nature. The ultimate ability of man to be unnatural in the natural. Therefore, on the basis of an ontologically meaningful phenomenon of restlessness, the author suggests to realize the essence of the categorical coexistence of the parent and child under a single roof and on a single foundation, if necessary, not to give each other, and not just one person, a "descent". The effort is made on the ideas of the ordeal of FM Dostoyevsky, which corresponds to an understanding of the boundaries of homelessness.

Key words: metaphysics of corporeality, restlessness, home, parent, son, wandering, house of Karamazovs.

Я не приму за венец желаний моих – капитальный дом, с квартирами для бедных жильцов по контракту на тысячу лет и на всякий случай с зубным врачом Вагенгеймом на вывеске.

Ф.М.Достоевский.

Итак, Митя. Несущий бремя разрешения, им же самим созданной проблемы, – самый жалкий «герой». Его «одиначеством» были покровы многих домов. И что интересно, в его отдалении от родного дома (в его пути) есть что-то непременно убывающее, т.е. длится некое удаляющееся (сужающееся) родство. Он подлинный скиталец и еще в детстве нигде по-настоящему не ужился. Очаг ему обеспечивают то брат матери – двоюродный дядя, то двоюродная тетка двоюродного дяди, то дочь двоюродной тетки двоюродного дяди и так... в дурную бесконечность. Эта «перспективность» Митиной сущности продолжилась и после его совершеннолетия. К тому же она обрела «ломаную» форму: неоконченная гимназия и военная школа, неудачная служба на Кавказе, понижение в должности из-за дуэли. Мите присуще быть незавершенным, вечно обиженным и униженным. Он самоё слабость. Есть в его душе «мель», на которую он «попал» и, застряв, скатывается по действительности, словно слеза ребенка. Из-за того, что Митя сосредотачивается на предметном, то есть на своей части наследства, он сводит смысл к суете и судьба предзнаменует его сомнительным типом и одновременно привычным человеком – обывателем с дурными склонностями.

Главной зацепкой проникнутся смысловой нагрузкой, несущейся сквозь судьбу старшего сына – есть Митино преувеличенное и неверное понятие о своем *состоянии*. [1, 13]. Митя не понял, что неспособность отца на «одиначество», покорило края судьбы сыновей и отщепило детскую сущность. Дмитрий Федорович – отщепенец, несмотря на то, что сам он думал, что целостен, что «нужный» (крепкий) для семьи человек. Подобное знание отцов о себе, искажая действительное положение вещей и суть человека вообще, учит отпрысков приспособляться. А это, в свою очередь, открывает путь манипуляциям, обману, изворотливости и препятствует непосредственной адаптации ребенка к взрослому миру. Человек, не принимающий истинного положения происходящего и поддающийся мышлению, которое скоблит по сознанию чувством неудовлетворенности, стучит расчетом, демонстративно протестуя и распыляя

полученное в наследство, сам себя лишает внутренней силы – умозрения. Он справедливо не воспринимает себя «сокровищницей», событием. Не раскаиваясь в собственной расколотости и ветрености, не «врачуя» над собой, расхлябанный «слепец» подчиняется «сознательной инерции» и предпочитает все, что несетя потоком: удобное, мелочное и бывалое. Пришедшая ему по вкусу постылость и мерзостыня, все более «разбалтывает». «Крепежная деталь» Мити – грех и это вынуждает его мотаться из угла в угол своего все-время-временного пристанища.

Исходным моментом суеты – есть механичность повторения. Сущность предназначения в «стоянии». А Мите померещилось, что суетное имеет смысл, тогда как подлинное дело – неподвижно (статично). Потому он решил, что долг человека – ждать милости, маясь черствым «увлечением». Осыпанный подачками и высылками, старший сын заикнулся на мирском, чем неизбежно был разъеден (затопан) и формально повторил удел отца. А поскольку «несущей стеной» отца был разврат, то и Дмитрий Карамазов – расточительствует. Поскольку он сам прислонился к «напрасности» и «порче», постольку призван тлеть и портить. Митя последовательно становился главным объектом неумолимо приближающегося скверного «зрелища». Он ярко угасал. И что печально, даже в случае удачи удержания духовного тепла внутри себя, Мите не хватает духа еще раз разгореться и воспринять себя гражданином мира (необходимым членом семьи). Даже если разразится новый скандал. Таков удел живого человека, закованного в мнение социума.

Когда обратить внимание на стремление Мити, обозначается то, как бедный мытарь, отвоевываая безнадежное, запутался настолько, что завалил в себе сквозное место (то, что содержит только себя) и очутился вместо дома в клетке. У Дмитрия Федоровича в итоге не было свободы выхода. Он обречен, безнадежно и тоскливо отвечать за дурное происшествие. Это его долг. Абсолютный, а не превратно понятый. Митя обязан ответственность за то, что растратил себя на борьбу за негодное имущество и стал ревнителем разгула. А так как «окна» старшего сына были «узенькими», не проливающими свет, а стискивающими мир, то и ангелу-хранителю однажды некуда стало стучать, чтобы разогнать напасть горечи и отчаяния. Жизненные переживания Мити, состояли из малюсеньких форточек, и его «обращения» оказалась не способными на освобождение себя из «заложников» порока. Доказательством Митино «завала» является вообразимо (надумано) открытая дверь проклятого дома в день убийства отца. То, что она показалась Григорию отворенной, свидетельство тому, что Митя настроен на вход, а установки на выход у него нет.

Вторгаясь в дом отца, Дмитрий Карамазов, показал, что не может остановиться, что он попался. В ловушке. Митя сам себя пленил уловкой недостойности и ввязался в гадкое соперничество. Двигаясь по лабиринту отцовских подстав, Митя потворствует Федору Павловичу и, безнадежно заключенный, обречен терзаться до конца. Дом Дмитрия Федоровича – пустыня и ему некуда идти, ибо, куда бы он ни ушел, все равно попадет в пустое «одно и то же». Мите даже повесится не как.

Таким образом, стержнем понимания феномена бездомности есть образ Мити. Он мучается, истерзан, но не самоуверен. Поэтому старший сын не самоубийца. Митя – не на словах, а на деле развернутый (разоблаченный) мир супостата-отца. Он реально

показанная изнанка сущности родителя – Федора Павловича. Смердяков хоть и Павел Федорович, но и всего. Это иллюзорная (пустая) подмена основания противника, через игру именами. Смердяков не шиворот-навыворот негодность отца, а суть не разоблаченный (затаившийся) грешник. Если заново обратиться к моменту необходимости встречи семьи Карамазовых со странной целью выяснить отношения (объясниться), – это становится очевидным. Все дети Карамазова двигаются навстречу судьбе. Только Смердяков поджидает. Лакей – не дуэлянт, так как не задирист. Он сводник, а не проволочник и потому не провоцирует и не задерживает беду, а прислуживает несчастью исполнением.

Таким образом, все крутится вокруг бедного Мити. И снова (!), «главный герой» происходящего не Митя. Но и, конечно, не Смердяков. Митя – человек играющий «свою» (смертную) роль. Истинными героями есть подлинные люди – Алеша и Иван. Их роль бессмертна. Верующий и неверующий «крутят» всем. Алеша и Иван *рядом, вместе, всегда*. То есть, они никогда не отвлекаются от действительности, впадая в блуждание по прошлому, и подлинно обращают (оборачивают) происходящее. Алеша и Иван сосредотачивают настоящее и приводят действительность в движение через независимое сосуществование в единстве. Алеша так близко, как только ребенок может виться возле матери, осторожно отходя от нее в мир. Иван же так далеко, как тот, кто, отчужден через возврат билета на вход в отчий дом. Выходит, что настоящим родителем Мити (живого человека) есть Алеша и Иван (бессмертное в людях), где Алеша символизирует материнство, Иван – отцовство. Алеша – всегда притягивает, Иван – отталкивает. Отец отпускает, мать держит. Оба мучаются собственным деянием: мать – трепещет, отец – терзается. Обратим внимание: толчком для приезда в свой городок для Алеши есть могила матери, позволение проститься, а для Ивана – надзор над осуществлением сделки и допуск возмездия.

Старший сын, в отличие от Алеши и Ивана, никоим образом не влияет на отца. Митя не мешает супостату проявлять свои наклонности и никоим образом не сдерживает и так ничем не сдерживаемую силу недруга быть во власти праздности. Отец – «расходиться», так как Митя и не покрывает (только копирует) отца, и не пресекает (только подначивает) склоку. Старший сын, рожденный сварливой женщиной и воспитанный «заграничным» либералом, рефлекторно обеспечивает себе жизнь пустой надеждой на мнимое имение, и это инстинктивное движение сбивает его с праведного пути. А Карамазова-отца такой путь загоняет в могилу раньше положенного времени. Хоть на самом деле Митя распахнут, распростерт. В сущности своей сын не только разгулен, а еще и откровенен. Он не желал отцовой смерти. Ассимилировав щедрость души с неумеренным распылением, Митя заходит в тупик и из человека превращается в пылинку. Он своим образом жизни воплощает раскаты разлада, со всеми «прелестями» наглости и нравственного бесстыдства.

Увлечшись размахом (или замахом) любое воплощение распущенности изматывает окружение и, истерзанное само, дойдя до состояния «папирусной бумаги», ищет затишья. Митиным успокоением стало переживание насильственной смерти отца. И переживание это было и добровольным, и одновременно выстраданным в тюрьме. Поэтому самоопределение Мити сопровождается растерянностью. Отрицая все, что

бросает тень, тушует (самореализацию), растерянность (душевная обокраденность) побуждает зажатость, сжатость, смущение. Вгоняет в состояние загнанности. Суть растерянности – уязвление и потому оно инстинктивно сопровождается смутой гонения, сопровождающейся лишением свободы. Растерянность легко раздражается придирками и претензиями, так как это единственно работающая реакция на опасность подмены и мнимости всего нападающего и преследующего. В такой способ (фамильярно и оторопью) Митя пытался спастись от наваливающейся беды.

Таким образом, Митя беспорядочен (но не непорядочен) и потому становится средством реализации вынесенного приговора по отношению к отцу. Стереотип о том, что средство расправы – это Смердяков, теперь преодолевается. Становится понятно, что приемный сын, рожденный от неполноценной женщины и воспитанный частично слугой, частично «вавилонистами» (социалистами) – исполнитель приговора. Смердяков – палач. Он не может быть орудием возмездия, так как не годится не для какой помощи, не для каких достижений. Смердяков Иваном назначен (создан) на должность карателя, так как только церемонящийся подхалим, а не бушующий «язвитель» возьмет «взятку» и согласится исполнить распоряжение зла. Поэтому сводный брат беспрекословно выполняет внутренне услышанный приказ черта, а отвечает за «всё» – родной. Поскольку Митя – самоё грех, постольку Смердяков – самоё догма, схема, стереотип – увязание в грехе, как в петле. Регулятив – не механизм, приводящий в движение понимание феномена бездомности, а «автомат» выполнения механизма бесприютности. То есть это – оправданный, выверенный, четко отлаженный, «узаконенный», не требующий человеческого участия грех. Можно сказать, что это дьявольская услуга для самореализации человеческой слабости.

При всей пафосно представленной расхолованности, расхоложенности, расшатанности Мити, именно он искупляет грех. Во-первых, через отбывание положенного (вынесенного) ему срока (приговора). И, во-вторых, сквозь волнение вспылчивой души. А Смердяков, при внешней покладистости – только уплотняет грех. Для людей, напоказ, через наглое прерывание отведенного ему времени. И для себя – сквозь «трупность» внутреннего мира. Поэтому возрождение человеческого в человеке несет собой не угодливый, заискивающий человек (лакей), а тот, кто «барахтается» (мытарь). То есть внутренне живой – не услужливый, а способный как на ошибку, так и на любовь человек.

Митя, будучи лишенным положенного крова, к тому же являясь нежеланным даже гостем в родном доме, *повторяет судьбу* родителя: развратничает. При этом не льстит отцу, а есть собой. Их истории разные, в смысле особенные. Митя не видит себя со стороны, к тому же преданно принимает врученное «состояние» (тленное наследство) и поэтому живо несет его сквозь себя, соразмерно себе (грешно). Это Смердяков, соблюдая все условности и располагая отца хвалёбой, вообще не принял наследства. Даже когда убил отца. Смотря на Федора Павловича, он воочию видел себя и *повторил* не судьбу отца, а его *исход*. При этом, снова, «кончины» отца и приемного сына разные, особенные.

Митя не случайно ближе всех, пришедших «на-встречу», приближается к отцу. И Смердяков, не смотря на все уловки, не зря не притягателен отцу. Старший сын хоть и далеко из-за скитаний, но внутренне рядом с отцом и поэтому родной сын по-

человечески надежен. Митя не поддается дьявольской услуге, а безотказно тщит (влачит) отцовское «состояние». А Смердяков хоть и живет через двор с Федором Павловичем, но по-родственному вселенски далек от отца. И ограничиваясь напускной близостью, есть внутренне безнадежным. Смердяков «отстает» от родственного отношения и отказывается длить отцовский мир.

Приемный сын зарится на владение родителя, ибо падок на сегодняшнее благополучие. Настоящее благополучие его не волнует. Смердяков переживает за себя, а в будущем ему и так места нет. С «удовольствием» осуществляя убийство отца, Смердяков определяет собственное убийство. А Федор Павлович, неявно организовывая собственное убийство, санкционировал убийство того сына, который изначально (без сопротивлений) есть «архивором». Кто украл жизнь, тому не поможет все скопленное за жизнь, ублажить смерть на милость через ее подлинное самоуклонение. Самоубийцы убили друг друга «территориальной» (буквально дворовой) близостью и метафизическим расколом (отчуждением духовности). Но если отец грязен тем, что выходит «чистым из воды»: осуществляет самоубийство руками сына, то Смердякову приходится все делать самому. У супостата имеется хотя бы мнимое алиби. Его убили, и зрителю кажется, что он жертва. А вот Смердякова не оправдать никогда... Его даже не жалко.

Митя в отличие от Смердякова мужественно исполнил долг сына. Не оборвал предначертанное, ибо в сущности волновался будущим. И Митина «независимость» куда ближе человеку как человеку, чем «самостоятельность» Смердякова. Хотя все поступки Мити говорят об обратном, о самоопеке и раболепии ущемленного. Требуя справедливости, кажется, что Мите давным-давно пора бросить отца и покинуть его истязующее состояние. Ну, что же, со стороны всегда видней. Но, Митя к счастью, не отвечает Федору Павловичу тем же и предельно сопротивляется гадостному. Он не забыл отца, как отец отбросил сына. И не отказался от родителя после его смерти, как отец разрешал себе бросать сына при жизни. Митя схож с отцом, так как выносит (выдерживает) полученную «дрянь» в наследство, но не мстит. Федор Павлович подвел Митю: отвернулся от сына и сыну пришлось быть отвратным, не имеющим силы благодарить. Но сам по себе Митя противостоит отцу, так как остается собой – униженным в правах ребенком, при этом человеком с любящим сердцем. Неподатливым мытарем, вопрошающим о судьбе своего прихода в мир. Митя не превращается в отца. Он транжира, но не гнусен.

Сквозь самоущемление, самозаключение Митя спасает семью от позора. «Зрители» (соседи) происходившего в семье Карамазовых, в конечном «счете» остаются в недоумении. По окончании «суда» для них открывается пространство мысли. Осуждение уходит в прошлое. Именно Митя проливает свет на внутреннюю исполосованность человека лишеного отцовского дома и его присутствующую, неотъемлемую (предоставляющуюся) возможность исправить унижительное положение. Пусть даже ничего не получится. Оказывается, шанс исправления есть всегда, но его верное истолкование – редкость.

Резюмируя сказанное, объемлем предательство Карамазова-отца, которое разможило всю семью. И «оправдаем» Митю. Последовательность неумышленного убийства (неявно задуманного самоубийства) Федора Павловича такова: покинутые дети,

пытаясь выжить, растекаются по миру и без поддержки родителя постепенно «пропадают». Это лишает их смысла «домности» и вынуждает спасаться. Но получается волокита. Пронизанные горечью «отравы» отцовского состояния (образа жизни), сыновья возвращаются домой для последнего свидания и, входя в дом, проходят сквозь зловещее событие. Свидание разрешается преступлением. При этом страдают все, находящиеся близко к Карамазовым. Стоит отметить, что описанная здесь последовательность не причинно-следственная. Случившееся – одномоментный акт (случание).

Таким образом, нарушая одиночество детей, мы ставим под сомнение их свободу и одновременно раним невинную душу (сущность). Сквозь образованные «дыры» утекает внутренняя сила, сок духа и смысл происходящего не просто обезразличивает (единит) высоту и бездну, показывая неизведанное, а относит человека к чужому (отчуждает). Ребенок подвергается опасности предпочесть мерзкое и замкнутся в порче. Предположение, куда такое стремление ведет, и кто сына при этом окружает, холодит кровь. Отец должен неустанно укреплять «фундамент» своего дома, обеспечивая (поддерживая) детям «ровное» (родное) отношение к происходящему. И ни в коем случае не посягать на их «покровы». Иначе их строения будут ненадежными (шаткими) и некрасивыми. Домами, в которых не смогут жить их дети. Ужасает сама мысль о том, кто же может постучать в их «окно», тогда как «дверь» наглухо заперта на засов.

Обвинять во всем случившемся «Митю» нельзя. Он не эгоист, а суетный человек. Тот, который не слеп к смыслу, а испытан смыслом мытарства. Митя не бессмысленное существо, просто он сборщик отцовских «податей». Поэтому не способен на *ничто* ради человечества. Все человеческое, неподверженное греху у него «прозапас». Но и глобальная подлость сыну не по плечу. Идя, проторенной отцом, дорогой в Ад, Митя все-таки совершает невероятное усилие своего естества: в момент необходимости, в первый и последний раз «останавливается». Он затихает перед исходом: навсегда оборачивается лицом к Богу, соглашается с миром Божиим и, освобождаясь от всепоглощающего рабства, преображается. И пусть фундамент Мити слаб, крыша плотная и окна в решетках. Это временность, которая утверждает его безобидным и уязвимым существом. При этом он способный признать вину и прыгнуть в настоящее страдание. А это уже путь к возрождению (домой) через силу раскаивания.

«Митя» – символ человеческой конечности и образ тщетной неизбежности одновременно. То есть необходимой зряшности и бытийствующей «нужды». Он отец-одиночка, который истерзан тем, что подле него некому трепетать. И неизбежно все «сваливающий» на предшественника. А кто он, этот «предшественник» – отец или сын – вечный вопрос. И часто проклятый человеком.

Отец должен отчуждать себя от ребенка, а не ребенка от себя. А ребенку необходимо быть рядом независимо от неизбежно случающейся удаленности. Последовательно отпущенный – постоянно обращается к тому, кто «не держит» (не отказывает) и находится подле (всегда рядом) даже после смерти. Это *другой* уровень нужды родителей и детей. Не физический. Без компенсаций. Это орбита, а может атмосфера, в которой роднит не жилой дом, а «пустой» дом. Не пустующий, а «ничей». Свободный. Призывающий отдыхом и чистотой (остановкой суетного), а не праздником

или бедой. Это место, к которому тянешься всей душой ради простоты встречи и общения.

Еще ни одно бесчестно сколоченное наследство не сделало ребенка действительно счастливым. Не дало сил реализовать свое достоинство. Еще ни один лишенный наследства сын, не был спокоен и благодарен. И это не разгаданная загадка, заданная современностью, а безусловный долг всех времен и пространств (домов). Отец должен поддерживать ребенка, оставляя ему наследство. При этом достойное, а не только достаточное. Иначе опыт преемственности (континуум родства) прекратится, и родители, бесплодные душой, забудут о чуде возрождения. А ребенок – исчезнет. Дети должны не отвоевывать свободу, а благодарно и несомненно принимать переданное состояние. При этом наполнять принятое, а не расплющить его на радость окружающим и горе последующего поколения. И тогда страшный суд человеку не страшен.

Вот оно «живое тело» живого человека. Вот она «конституция» его дома. Без изнанки. Самодостаточна. А бездомность, разрешимая жаждой разгула, а не должным мытарством – самоубийственна.

Литература:

1. *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский Собрание сочинений: В 12 т.– М. : «Правда», 1982. – Т. 11. – 624 с.
2. *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский Собрание сочинений: В 12 т.– М. : «Правда», 1982. – Т. 12. – 542 с.

УДК 1: (128+165)

Березінець І.В.

Національний педагогічний університет імені М.П. Драгоманова

П. АВСЕНЄВ: СОН ТА СНОВИДІННЯ - ШЛЯХ ДО РОЗКРИТТЯ ЗНАНЬ ДУШІ

Статтю присвячено дослідженню філософського бачення сну та сновидіння, як джерела знань людської душі, в роботі П. Авсєнєва «Із нотаток по психології». Авторка доходить висновку, що у П. Авсєнєва душа є носієм безмежного знання, як про людську істоту, так і про оточення в якому вона перебуває. Душа є осередком несвідомого знання, інтуїтивного знання. Чуттєве та раціональне переплітаються в ній та стають невід'ємними частинами одне одного, що знайшло своє відображення у сновидіннях.

Ключові слова: *душа, знання, інтуїція, мова сновидіння, несвідоме, самопізнання, свідоме, стан бдінні, стан сну, сновидіння.*

Березінець І.В. Авсєнєв: сон и сновидение – путь к раскрытию знаний души

Статья посвящена исследованию философского видения сна и сновидения, как источника знаний человеческой души, в работе П. Авсєнєва «Из записок по психологии». Автор приходит к выводу, что у П. Авсєнєва душа является носителем безграничного